

Фантазия покорна интеллекту

Георгию Александровичу Товстоногову завтра — 75 лет

Георгию Александровичу Товстоногову — 75 лет. Я думал, меньше. Я служил у него в театре, начал служить, когда ему было 45. Я не был его учеником, не был любимцем и, как сейчас думаю, не был ему особенно интересен. Георгий Александрович начал преподавать в театральном институте. И, конечно же, он был увлечен своими учениками. Я был чернорабочим. Зато, а может, в силу всего этого, я видел жизнь театра изнутри, лучше, чем мои товарищи, сразу же погружившиеся в искусство. И какая же это была удивительная жизнь! Ломался один театральный организм, из пыли и обломков возникал другой. Уходили старые, дотовстоноговские спектакли, и старые крупные удивительно талантливые и, как мне тогда казалось, удивительно несовременные актеры примеряли новые одежды, новые роли и новые слова. Наверное, это был долгий труд, но память подсказывает его, как короткие стремительные удары и победы. «Эзоп» с Полицеймако и Ольхиной, Корном и Ивановым или «Шестой этаж», где сталкивались театральные поколения. Еще сов-

сем недавно полупустой зал Большого драматического театра объяснялся его удаленностью. Зашел в Елисеевский колбасы купить или в Пассаж рубашку — вот тебе и театры, вот и купил на сдачу билет. Но кто, скажите, потащится через темные мосты Фонтанки в БДТ?

Оказывается, потащились. Ах, какое это было прекрасное время оттаивания общественной жизни, обламывания льда. Достоевский на сцене. Молодой Смоктуновский. Интеллигенция ехала из Москвы, из Прибалтики.

Я помню, как на премьере через несколько минут после занавеса в самом начале спектакля «Идиот» две немолодые женщины рядом со мной почти одновременно тихо заплакали. Таким чудом «неразумного искусства» был странный ломающийся голос Смоктуновского — Мышкина в сцене в вагоне.

В кинематографе актеры могут играть, художник строить, оператор снимать. Режиссер же нужен, чтобы их труд не пропал даром. Кинематографическая школа — это сам режиссер. Театр иное. Театр не состоит из спектаклей, хороший театр нечто большее, чем сумма спектаклей. Я был свидетелем рождения актеров иногда из немолодых уже людей. Когда выпотрошенный репетицией, смятый гневными криками Товстоногова артист поднимался мимо буфета к себе на второй этаж, сам еще не подзревая, что в нем пробита некая брешь, что с сегодняшнего дня он приобрел другое качество дарования. И это качество будет еще долго удивлять и тревожить и его, и зрителя.

Видел я, как внезапно рождались эти новые незнакомые свойства и у мастеров. Как поразительно приобрел, например, свой иной лик Владислав Стржельчик в Чехове — имен-

но иной лик на долгие годы вперед. Вернее, даже не иной, а второй лик получил он в дар. Усталость, ум и внутренняя тоска проступили через совсем другой предыдущий рисунок и решили много удач в дальнейшем. Помню, как в маленьком эпизоде симоновской пьесы оттачивался вовсе не знакомый прежде Кирилл Лавров. На глазах обретая незнакомую ранее острохарактерность. Однажды случившись, подобный катаклизм открывает в личности как бы другую личность. И трансформация их, и сплав их дают толчки для творчества на многие годы.

Сейчас я думаю, что спектакль «Пять вечеров» по пьесе Александра Володина был не просто удачей Товстоногова или театра. Я думаю, что с выходом на авансцену коммунальной квартиры с непрерывно говорящим радио и с печальными, не слишком удачливыми людьми, из-за серых холстов оформления к нам тогда пришла театральная революция. Мы ее просто не сумели тогда провозгласить, определить как таковую.

Я ушел из театра, давно уже работаю в кино, и очень редкие спектакли сейчас волнуют меня. Но если перечислить среди них любимые, то больше всего будет товстоноговских.

Мне кажется, многие художники, увенчанные славой и мундументами, сейчас чувствуют себя неуютно. Так получилось, что с новыми знаниями, без окриков и запретов образовалась другая счет, возникла другая шкала ценностей. И те, кто ощущал себя лидером в литературе, кино или театре, оказались не более чем современниками другого существующего уже искусства. Так не получилось в БДТ, и я рад этому еще и потому, что это моя молодость.

Алексей ГЕРМАН.
Ленинград.